

цѣнѣ, далеко не такъ утопично, какъ это кажется на первый взглядъ. Утопичность его заключается въ его безусловномъ «медіевизмѣ», въ безоговорочномъ отрицаніи имъ настоящаго и того недавняго прошлаго, которое къ нему привело. Одинокій по своей натурѣ мыслитель, онъ и свою теорію слишкомъ уединяетъ: она ни въ какомъ отношеніи не вырастаетъ у него изъ настоящаго, не является его хотя бы отрицающимъ завершеніемъ. У самого П. чувствуется здѣсь какое то внутреннее противорѣчіе: цѣнитель преданія, органичности, чужой правды, П. отвергаетъ всю исторію, начиная отъ Ренессанса до настоящаго времени, не видитъ въ ней ничего положительнаго, что должно бы было быть сохранено и увѣковѣчено въ будущемъ «нормальномъ» строѣ. И все же значеніе книги П. не подлежитъ сомнѣнію: что центръ тяжести проблемы современнаго общественнаго строя заключается не столько въ замѣнѣ индивидуальнаго собственника коллективнымъ, сколько въ регулированіи всякой собственности въ направленіи ея *объективированія*, что орудіемъ этого регулированія являются гильдіи производителей; что регулированіе это должно протекать въ правовыхъ формахъ; что цѣль его не освобожденіе отъ труда, а освобожденіе *труда*, наполненіе его вновь духовнымъ содержаніемъ; что разрѣшеніе этихъ задачъ предполагаетъ перераспредѣленіе собственности, становящейся одновременно и болѣе соціальной («функцией») и болѣе индивидуальной (связанной съ влаждующей ею личностью), — подчеркнуть всѣ эти истины, во все большей степени проникающія и въ теорію современнаго социализма, и выразить ихъ въ своеобразной и яркой формѣ составляетъ безспорную заслугу новаго труда Пенти.

Sergius.

В. П. Семенниковъ. *Радищевъ. Очерки и изслѣдованія Госуд. Издательство. Москва-Петроградъ. Стр. 467.*

Книга, выпущенная В. П. Семенниковымъ, содержитъ собраніе его этюдовъ по ряду вопросовъ, относящихся къ біографіи Радищева, къ изученію міровоззрѣнія Радищева и къ освѣщенію той роли, которую сыграла литературная дѣятельность Радищева въ ходѣ нашего литературнаго и общественнаго развитія. Не касаясь общезвѣстныхъ моментовъ жизни и литературной дѣятельности Радищева, Семенниковъ направляетъ свои изслѣдованія на вопросы, еще мало изученные, предпринимаетъ настойчивые поиски новыхъ матеріаловъ и старается бросить новый свѣтъ на такія стороны въ дѣятельности Радищева, которыя доселѣ оставались въ тѣни. Пишетъ г. Семенниковъ довольно тяжело и тягуче, порою утомляя читателя пространнымъ разъясненіемъ довольно простыхъ мыслей, повтореніями однихъ и тѣхъ же соображеній, перегруженіемъ изложенія слишкомъ мелкими подробностями. Неприятно дѣйствуютъ также нѣкоторыя

сужденія, явнымъ образомъ имѣющія цензурно-защитный характеръ въ угоду торжествующихъ теперь въ Россіи теченій. Всѣ эти недостатки не лишаютъ, однако, изслѣдованій Семенникова существеннаго научнаго значенія, которое заключается въ томъ, что своими документальными находками, а также внимательнымъ сопоставленіемъ и разборомъ нѣкоторыхъ ранѣе извѣстныхъ данныхъ Семенниковъ освѣжаетъ и расширяетъ наши представленія о Радищевѣ.

Въ двухъ этюдахъ: «Ода Вольность» и «Радищевъ и французская революція» г. Семенниковъ убѣдительно исправляетъ распространенное мнѣніе, что Радищевъ писалъ свое знаменитое «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» подъ обаяніемъ событій великой французской революціи. Ода «Вольность», вставленная въ текстъ «Путешествія», содержитъ поэтическое привѣтственное обращеніе къ «словутой странѣ», которая ликуетъ, возстановивъ попорченную въ ней ранѣе «вольность». Во всей литературѣ о Радищевѣ это мѣсто оды толкуется, какъ обращеніе къ революціонной Франціи. Семенниковъ опровергаетъ такое толкованіе убѣдительными доводами. Онъ доказываетъ, что ода была написана ранѣе «Путешествія» и вставлена въ текстъ послѣдняго съ сокращеніемъ. Такимъ образомъ все, что въ одѣ говорится о революціи, можетъ относиться не къ французской революціи, разразившейся уже послѣ написанія оды, а къ американской, которая вызвала въ душѣ Радищева восторженный откликъ. Напротивъ того, французская революція, вопреки распространенному мнѣнію, была встрѣчена Радищевымъ довольно скептически, безъ какого-либо безотчетнаго энтузіазма, а, съ очень опредѣленной критикой ея излишествъ. Семенниковъ приводитъ въ доказательство того рядъ выдержекъ изъ «Путешествія» и другихъ сочиненій Радищева. Эти выдержки показываютъ, что, по убѣжденію Радищева, событія французской революціи приняли направленіе, угрожающее той самой «вольности», передъ которой Радищевъ преклонялся. Отсюда нашъ авторъ заключаетъ, что событія французской революціи не имѣли того вліянія на общественно-литературное выступленіе Радищева, какое имъ обыкновенно приписывается всѣми, кто писалъ о Радищевѣ.

Сопоставляя идеи, выраженныя въ одѣ «Вольность», со взглядами, развитыми въ «Путешествіи», Семенниковъ находитъ возможнымъ приписать Радищеву постепенное умѣреніе его общественно-политическихъ взглядовъ. Въ періодъ составленія оды Радищевъ являлся горячимъ сторонникомъ демократической республики, устанавливаемой путемъ революціоннаго переворота, а въ «Путешествіи» онъ уже стоитъ на сторонѣ постепенныхъ социальныхъ реформъ, осуществимыхъ и при монархическомъ правленіи. Однако, эта эволюція взглядовъ все же не изгладила вполнѣ въ душѣ Радищева бывшихъ настроеній и отсюда, — по мнѣнію Семенникова, — происходила раздвоенность мировозрѣнія, сказавшаяся въ «Путешествіи» и вызванная тѣмъ, что

Радищевъ колебался между первоначальными идеями и воздѣйствіемъ окружающей среды. Все это построenie Семенникова ни мало не убѣдительно. Все дѣло въ томъ, что въ одѣ Радищевъ излагаетъ свои идеалы, а въ «Путешествіи» онъ критиковалъ окружающую дѣйствительность и намѣчалъ преобразования, могущія, по его мнѣнію быть, выполненными уже въ данный періодъ русской жизни. Это вовсе не означало, что самые идеалы Радищева претерпѣли измѣненіе.

Въ этюдѣ «Радищевъ и масонство» собрано много данныхъ объ отношеніяхъ Радищева къ масонамъ, при чемъ особенную цѣнность имѣютъ приведенные Семенниковымъ буквальные совпаденія нѣкоторыхъ мѣстъ одного сочиненія Радищева съ «уставомъ вольныхъ каменщиковъ 1782 г.». Въ общемъ намъ представляется доказанною мысль Семенникова, что Радищевъ принадлежалъ къ масонству, хотя и не раздѣлялъ воззрѣній розенкрейцера, свившаго себѣ тогда гнѣздо въ Москвѣ.

Особенно интересны этюды, посвященные Радищеву за время царствованія Александра I. Здѣсь находимъ не мало новыхъ данныхъ, касающихся не только Радищева, но и хода законодательныхъ работъ и политическихъ проектовъ въ первые годы Александровскаго царствованія. Семенниковъ подтверждаетъ и обставляетъ новыми соображеніями мысль прежнихъ изслѣдователей о сотрудничествѣ Радищева съ графомъ А. Р. Воронцовымъ при составленіи различныхъ государственныхъ проектовъ. Въ добавленіе къ тому, что на этотъ счетъ говорилось въ прежней литературѣ, Семенниковъ довольно убѣдительно развиваетъ предположеніе о томъ, что именно Радищевъ писалъ проектъ той «Грамоты Россійскому Народу», которую одно время предполагалось обнародовать при коронаціи Александра I. Семенниковъ впервые печатаетъ и полный текстъ этой Грамоты, которая была доселѣ извѣстна лишь въ краткомъ изложеніи Шильдера. Въ біографіи Радищева, составленной его сыномъ, приведено изложеніе содержанія сочиненія Радищевымъ «Проекта Гражданскаго Уложенія». Семенниковъ основательно показываетъ, что все это сообщеніе сына Радищева можетъ относиться не къ гражданскому уложенію, а именно къ «Грамотѣ Россійскому Народу»: это явствуетъ изъ сличенія перечисленныхъ сыномъ Радищева вопросовъ съ текстомъ Грамоты. Но, кромѣ того, Радищевъ дѣйствительно составилъ и проектъ гражданскаго уложенія, съ которымъ сынъ и біографъ Радищева смѣшавъ Грамоту. Текстъ сочиненнаго Радищевымъ проекта гражданскаго уложенія впервые открытъ Семенниковымъ и это открытіе имѣетъ, конечно, большую важность и для біографіи Радищева, и для исторіи юридическихъ идей въ Россіи. Къ сожалѣнію, Семенниковъ пока могъ дать лишь бѣглое изложеніе этого труда Радищева, такъ какъ свое открытіе онъ сдѣлалъ уже во время самаго печатанія сборника его статей. И еще одно открытіе принадлежитъ Семенникову: онъ печатаетъ впервые новую редакцію біографіи Радищева, составленной его

сыномъ, и въ ней мы находимъ нѣкоторые любопытные новые факты, ранѣе неизвѣстные. Въ 1788 г., когда опасались наступленія шведовъ на Петербургъ, Радищевъ пытался организовать добровольческой военной отрядъ, повидимому изъ членовъ «Общества друзей словесныхъ наукъ», въ которомъ Радищевъ игралъ видную роль. Въ 1785 г. Радищевъ, представляясь Екаторинѣ II по случаю полученія ордена Владиміра, отказался стать предъ императрицей на одно колено. Незадолго до смерти Радищевъ въ одной своей запискѣ написалъ: «потомство отомститъ за меня». Все это весьма характерные штрихи для духовнаго облика Радищева.

Въ большой и содержательной статьѣ «Пушкинъ и Радищевъ» Семенниковъ, вопреки натянутымъ соображеніямъ В. Е. Якушкина, убѣдительно доказываетъ, что Пушкинъ подъ конецъ жизни не одобрялъ политическихъ взглядовъ Радищева, но продолжалъ высоко цѣнить его гражданское мужество, а также признавалъ за Радищевымъ заслуги въ чисто литературномъ отношеніи, въ связи съ чѣмъ Семенниковъ приводитъ рядъ любопытныхъ литературныхъ справокъ, обрисовывающихъ вліяніе литературныхъ пріемовъ Радищева на современныхъ ему писателей. Останавливается Семенниковъ и на спорномъ вопросѣ объ анонимномъ участіи Радищева въ тогдашнихъ журналахъ. Онъ подробно доказываетъ, что помѣщенный въ Новиковскомъ журналѣ «Живописецъ» — «Отрывокъ Путешествія», изображающій бѣдственное положеніе крестьянъ, всего скорѣе можетъ быть приписанъ Радищеву. Онъ первый обращаетъ вниманіе на то, что въ журналѣ Пнина «С.-Петербургскій журналъ» (1798 г.) есть статья о свободѣ печати за подписью: «Торжокъ», а въ Радищевской книгѣ Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву» именно въ главѣ, озаглавленной «Торжокъ», рѣчь идетъ также о свободѣ печатнаго слова и вредѣ цензурныхъ его стѣсненій. Это наводитъ на мысль, что указанная статья въ журналѣ Пнина принадлежитъ Радищеву и что, слѣдовательно, Радищевъ, только что возвращенный Павломъ изъ ссылки, немедленно возобновилъ публицистическую дѣятельность, несмотря на всю суровость Павловскаго режима.

Если общія построенія Семенникова не всегда представляются убѣдительными, то все же его книга полна интереса въ виду обилія новыхъ важныхъ документальныхъ данныхъ и любопытныхъ частныхъ наблюденій и соображеній, расширяющихъ наши свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Радищева. Безъ книги Семенникова нельзя будетъ обойтись при изученіи исторіи политическихъ и литературныхъ направленій въ Россіи конца XVIII и начала XIX вѣка.

А. Кизеветтеръ.